

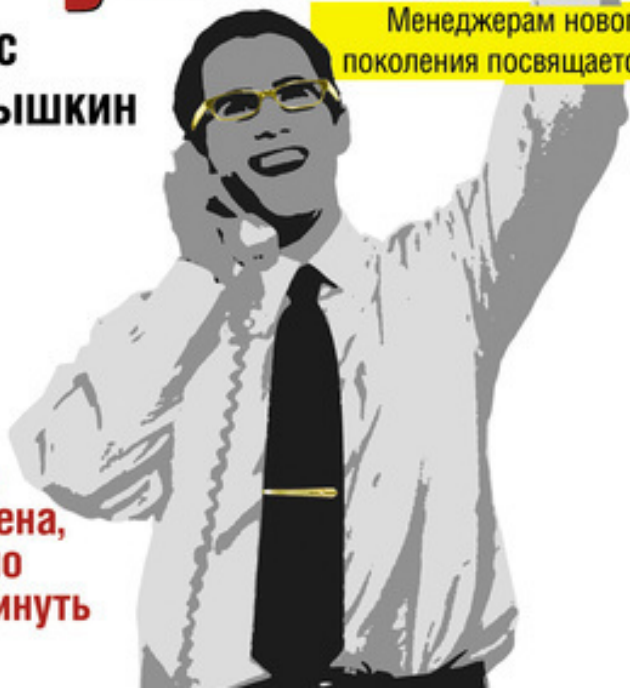
КОРПОРАТИВНЫЙ РОМАН

\$100 причин убить босса

Макс
Нарышкин

Менеджерам нового
поколения посвящается

Шеф
не стена,
можно
подвинуть

Макс Нарышкин

\$то причин убить босса

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174694*

\$то причин убить босса : Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-23926-9

Аннотация

Автор ничего не придумал. Он просто собрал истории сотен офисных служащих и набрался смелости сплести их в один сюжет. Когда-то все персонажи романа были успешными вице-президентами, промоутерами, креативными директорами и копирайтерами. Но в один миг их мир сторел дотла только потому, что все они желали большего, чем должны были иметь. Многие из них наложили на себя руки, кто-то сошел с ума, кто-то еще долго будет считаться пропавшим без вести, кто-то умер от спиртного, опустившись на самое дно московских трущоб.

Но о них автор думает также мало, как и атеист об адовых мучениях и райских наслаждениях. Да и судьба самой книги его мало волнует. Как ни крути, у истины нет шанса стать бестселлером.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Макс Нарышкин

\$то причин убить босса

Пролог

Ему советовали, его предупреждали, ему всячески давали понять, что девочка в красном платье, с тугой грудью и упругой попкой – не его поля ягодка. Ее не раз видели на заднем сиденье «Кадиллака» Орландо, и только одно это должно было насторожить русского и отказаться от идеи дружбы с Розалиндой. Но, познавая местные обычаи, русский жил по своим, а первый его закон гласил, что девочка, которая не замужем, – ничья девочка, и он имеет на нее столько же прав, как и Орландо, которым его пугают в Рио, как Бармалеем.

Эта ночь в бунгало была незабываема. На глазах у многих, кто тут же ретировался и сделал вид, что не узнает ни его, ни Розалинду, русский укрылся с нею в бунгало на берегу, и это была самая короткая ночь в его жизни... Эта ночь пролетела, как пуля, посланная в упор. Она хохотала, говорила русскому si, и тот пользовался этим на всю катушку. Когда говорят и пишут о том, насколько сексуальны женщины Бразилии, сразу вспоминаешь карнавал в Рио. Розалинда была из тех, кто любил в праздник танцевать самбу до иступления. Эта женщина поела любовь русского без остатка, и даже когда

наступил рассвет, она дышала ему в лицо мятой своего дыхания и говорила si.

Они расстались, когда над океаном стало появляться солнце. Решив набраться сил в постели, он остался лежать под измятой за ночь простыней, а девочка, которую русский называл то Линдой, то Розой – в зависимости от настроения, сказала на деформированном английском «Гуд бай», но спросить, когда они увидятся снова, или не решилась, или не смогла.

Она выбежала, а русский закрыл глаза, вспоминая ущербность и бесталанность московских проституток. Но тут же вынужден был разлепить ресницы и вскочить, потому что на улице послышался испуганный вскрик Розы. Линда кричала, словно ее ужалила змея...

Быстро натянув джинсы, он выбежал и едва не упал, когда столкнулся с высоким пожилым негром. Бугрящиеся мышцы выглядели на пятидесятилетнем мужчине, как рудиментарный дефект. Наткнувшись на его деревянный взгляд, русский шагнул назад.

И когда стало ясно, что его просто заводят обратно в бунгало, русский все понял и успокоился. За все в этой жизни нужно платить. Он провел двенадцать дней беспечной жизни в Рио, и теперь приходится за это рассчитывать.

Из-за спины огромного негра вышел человек в темных очках и, в последний раз посмотрев на задницу своей девочки, лениво спросил:

– Тебе известно, русский, что оскорбление в Бразилии смывают кровью?

Отступив вглубь комнаты, русский вдохнул воздух океана и нащупал на тумбочке пачку сигарет.

–*Orlando, no, no!..*

Этот крик Линды словно разрезал тишину рассвета. Русский слышал, как она кричала и билась в истерике и как хлопали дверцы машины. Дверцы знаменитого белого «Кадиллака-Визон» Орландо.

Крикнув что-то на испанском в сторону запертой двери, Орландо вынул из-за пояса тяжелую «беретту» и, нервно дергая щекой, повторил для русского, перейдя с испанского на английский:

– Она должна это слышать, русский...

Когда он увидел черный зрачок среза ствола, душа его умерла за мгновение до выстрела. И жизнь промчалась перед глазами русского рекламными роликами самых ярких эпизодов...

Последнее, что он увидел, была вспышка огня, которым озарился зрачок...

«CORREIO BRAZILIENSE»:

Британская поп-звезда, композитор, музыкант и певец Элтон Джон выступит с единственным концертом на всемирно известном пляже Кобакабана в Рио-де-Жанейро.

Шоу, которое обещает стать очередным рекордным представлением, будет бесплатным.

По сообщению пресс-службы мэрии Рио-де-Жанейро, концерт состоится 20 января, в разгар летних отпусков и школьных каникул в Южном полушарии. Для выступления будет сооружена специальная сцена наподобие той, на которой выступали в феврале этого года «Роллинг Стоунз». Концерт продлится 2 часа 40 минут. Это будет расширенная версия шоу The Red Piano (Красный рояль), идущего сейчас на сцене знаменитого Coliseum Art Caesar's Palace – Сезарс Пэлэс – в Лос-Анджелесе.

Элтон Джон решил включить в концерт свои лучшие произведения, написанные им за более чем 30-летнюю карьеру. По оценкам мэрии, на концерт сэра Элтона придут не менее полумиллиона жителей и гостей Рио-де-Жанейро...

Вчера на территории пляжа «Копакабана» обнаружен труп с восемью пулевыми ранениями.

Сразу после убийства труп был сожжен, однако по остаткам документов личность убитого удалось установить. Им оказался гражданин России Евгений Медведев. Как стало известно полиции, приехав в Рио-де-Жанейро двенадцать дней назад, он пренебрег инструкциями персонала гостиницы и принялся вести не приветствуемую местными обычаями и нормами морали жизнь. Его неоднократно видели в дешевых ресторанах в криминальных районах города, где он распивал спиртное с подозрительными личностями и женщинами легкого поведения.

Полиция ссылается на тайну следствия и скрывает факты, однако, как стало известно из заслуживающих доверие источников, смерть русского туриста Евгения Медведева – месть за женщину, которую он соблазнил...

Глава 1

Я в офисе. Двери лифтовой кабины уже готовы сомкнуться, но я забрасываю внутрь руку с портфелем и после молнией проникаю сам. Двери закрываются.

Можно было не торопиться, более того, на второй этаж нетрудно подняться и пешком, но в кабине – Виктор Лебедев, начальник отдела по работе с клиентами, и девочка с первого этажа – представительница стафа¹. Я вижу ее впервые и профессиональным чутьем хорошо знакомого с корпоративной системой человека тотчас улавливаю в ней настроение только что озадаченного плевой проблемой рядового сотрудника. Скорее всего, это вообще не проблема, но девочка только что принята и задание отвезти на второй этаж документы она готова выполнить, пройдя даже по трупам.

По лестницам с первого этажа на второй у нас не ходят. Для этого используется движущийся медленно, как удав, зеркальный лифт. Куда быстрее взметнуться по лестнице, но все знают, что это удел сантехников и прочей черни.

Виктор смотрит на меня, и я медленно опускаю ресницы. Лебедев тотчас вынимает из кармана тубус с «Диролом».

– Угощайтесь, – одну подушечку он отправляет в рот, вторую выдавливает на ладонь и предлагает девочке.

¹ Рядовой персонал (здесь и далее – корпоративный сленг).

Отказаться она не в силах. Справа и слева от нее по управленцу крупной компании, Chief Executive Officer's, и когда ты первый день на работе, не нужно строить из себя целку.

Чтобы не обделять меня, он протягивает перед девочкой руку, вероятно, нечаянно касаясь рукой ее торчащих из кофточки сосков.

– Нет-нет, спасибо, – вежливо, но решительно отказываюсь я.

Дождавшись, пока первый поток прохладной сладости будет ею проглочен, спрашиваю:

– Как ваши дела, Виктор?

– Результаты анализов, к сожалению, все хуже и хуже.

– Что, никаких надежд?

– Надежда всегда есть, но вы сами знаете, Евгений Иванович, сифилис быстро не лечится.

Краем глаза я замечаю, что девочка перестает жевать и мертвым взглядом смотрит на свое отображение в зеркале.

– Вы же что-то прижигали там, под языком?

– Бесполезно, перешло на пальцы. Сейчас чешется между пальцами ног.

– Между какими?

– Между большими.

Наконец-то она приехала. Пулей вылетев из кабины, потерявшая привлекательность новенькая несется к первой попавшейся на глаза урне и выплевывает источник свежей мяты. Ее взгляд скользит по дверям, и я знаю, что она ищет –

комнату для девочек.

Я подставляю ладонь, Лебедев бьет по ней своей, и мы расходимся. Его кабинет слева в конце коридора, мой – справа.

Где-то на середине пути мой слух ловит сочный монолог.

– В этой жизни определено только то, что нет ничего определенного. Каковы бы ни были правила игры сегодня, завтра они уже будут другие. Я в шоке. Что это такое? Что это, я спрашиваю? «Крупной компании требуются на работу менеджеры». Это порно. Человек с опытом работы, прочитав такое, сразу пропустит мимо внимания. Представь, что «Найк» набирает на работу менеджеров. «Крупной компании „Найк“... Какое слово здесь лишнее?.. О, да ты уже начинаешь догонять! Правильно, лишнее слово – „крупной“! Хотя по отношению к „Найк“ здесь вообще два первых слова лишние! „Найк“ не будет платить рекламе за первые два слова, потому что только идиот может заподозрить, что „Найк“ не крупна или что это не компания. „Визуэл“ – не „Найк“, но никогда, ты слышишь, – никогда не проси рекламистов указывать, что „Визуэл“ – крупная компания! Крупной компании нет необходимости заявлять, что она крупна. А мозг соотечественника устроен таким образом, что рекламу он принимает с точностью до наоборот. „Крупной“ нужно исправить, „компаний“ – убрать. Я вижу: „Визуэл“ ищет партнеров по реализации креативных идей. Конкурс. Просьба занимать очередь с 7:00 по адресу...» Какой там у нас адрес?..

Откуда это:

Каждое утро в нашем заведении начинается одинаково ?

Если ваши нервные окончания еще не готовы перестроиться на нормальное восприятие, я даю следующий кусок:

Как всем известно, труд облагораживает человека, и потому люди каждый день ходят на работу. Лично я хожу на службу, потому что она меня облагораживает.

Если ваш мозг еще не до предела загажен коксом, а нос поутру не немеет от дозы, и если вы в состоянии вспомнить, что это цитаты из «Служебного романа», значит, вы еще жилец.

Так вот, каждое утро в нашем заведении начинается одинаково. Я паркую свой «Мерседес» у здания, проникаю в холл, поднимаюсь на лифте на одиннадцатый этаж и материализуюсь в офисе. Мой кабинет в конце стеклянного коридора, и, проходя каждый день в 8:15 мимо распахнутой настежь кабинетной двери креативного директора Марии Белан, слышу ее возбужденный голос. Каждое утро она учит правильно работать того, кого ей посчастливилось выловить поздним вечером минувшего дня. Сегодня очередь Олега Панкратова, менеджера отдела арт-проектов. Минувшим вечером он то ли от бессилия, то ли из-за злости, что у него второй год ничего не получается, создал шедевр. Ему было велено составить объявление на телевидение о приеме на работу новых кадров. Он составил. И сейчас я убеждаюсь, что в свой труд он не вложил частичку своей души. Он был отловлен

Машей вечером и приглашен, как обычно, на семь утра для беседы.

Маша Белан в принципе баба нормальная. Если бы в ее голове не бродила, как бродит после месяца отстоя бражная пена, идея о всеобщем самосовершенствовании, я бы захотел с ней, наверное, переспать. Красивая девочка двадцати шести лет, она приходит на службу, как рязановская Людмила Прокофьевна, раньше всех, и уходит позже всех, из чего, по-рязановски, можно было бы сделать вывод, что она не замужем. Однако времена правильных мыр миновали, наступила эпоха сексапильных леди-вамп, и Маша Белан, наш креативный директор, наоборот, замужем. Я вижу и слышу ее каждый день, и от одной только мысли, что она вдруг может заговорить со мной во время соития, меня бросает в дрожь. Кажется, даже идею страстного, как бы случайного траха она обязательно проработает до конца, чтобы не было никаких зацепок.

У нее, как и у всех женщин, есть привычки, которые не в силах исправить даже уходящие годы. Со всеми своими партнерами я веду речь о партнерах по бизнесу. Поскольку других партнеров у Маши быть не может, она встречается с ними в роскошном ресторане «Торнео» на Большой Якиманке. Академический стиль подачи блюд, изысканная кухня и ненавязчивая музыка делают атмосферу заведения идеальной для переговоров. Как правило, на следующий день после такого ужина все бумаги подписываются в течение двух

часов.

Второй привычкой нашего креативного директора является утренний разнос тех, кто не справился с заданием, получив его вчера. Против ресторана «Торнео» я ничего не имею, но вот эта Машина привычка произносить по утрам напутственные монологи портит мне настроение. Это происходит почти каждый день, а дорога в мой кабинет пролегает через владения креативного директора. Поэтому с некоторых пор я пошел на хитрость. Приближаясь к лестнице, ведущей с первого этажа на второй, я набираю номер телефона менеджеров по арт-проектам и прошу пригласить к трубке Белан. За то время, пока она ходит туда-сюда, я успеваю подняться, пройти в свой кабинет и запереть дверь.

Сегодня я забыл это сделать, поэтому и являюсь свидетелем безобразной сцены.

Олег вваливается в мой кабинет, когда я вливаю в чашку кипятка. Две ложки растворимого кофе тотчас всплывают вверх, как две кучки дерьма, и я быстро их размешиваю, пытаясь убедить себя в том, что они хороши.

Олег один из тех людей, чьего лица, случайно познакомившись, не можешь вспомнить на следующий день. Его зовут на выпивку в последний момент, когда выясняется, что более не с кем. Олег Панкратов – скучный одноцветный трудоголик. Он может говорить о работе, не прерываясь ни на минуту, сутками. При этом с лица его не будет сходить страдальческое выражение, так что сразу становится понятно,

что труд его не облагораживает, а, напротив, деградирует. Каждая фраза, каждое слово, написанное им на бумаге, Панкратова вводит в депрессию. Он убежден, что все, что он делает, все равно подвергнется обструкции. Но он борется с собой, он самосовершенствуется. В этом ему помогают все – от Маши до водителя Леонида. Я в этот процесс не вмешиваюсь, поскольку уже облагорожен, а тенистая должность заместителя президента компании позволяет не вмешиваться во многие процессы. То есть класть на все с прибором. Именно по этой причине, и еще потому, что я единственный, кто в компании не требует занесения в личный портфолио кейсов, достойных гения, Олег приваливается ко мне душой, не переходя, однако, границу дозволенного.

– Кофе будешь?

Он кивает и медленно садится. У него вид человека, решившего обойти офис и попрощаться со всеми перед повешением.

– Если кто-нибудь сегодня спросит, отчего умер Панкратов, сказать, что от разрыва диафрагмы, не значит погрешить против истины?

Временами мне кажется, что Маша Белан умело маскирует под юбку что-то, что имеет вопреки расхожим представлениям о поле. Иногда, когда выдается свободная минутка, а у меня их хоть отбавляй, я задумываюсь о Маше. Справедливости ради нужно заметить, что я задумываюсь не только о ней, но и о других сотрудниках. Но Маша меня привле-

кает все-таки больше, она тот объект, который не поддается характеристикам. И вот, когда приходит очередь думать о ней, я задаюсь только одним вопросом: если женщина любима дома, регулярно занимается сексом и роль внизу ее все-таки устраивает, то откуда вот эти утренние гейзеры энергии? Я понимаю, после секса хочется петь и танцевать, но зачем танцевать на костях слабых мужчин? Или роль внизу не устраивает и эти энергичные разносы в семь утра – компенсация за нанесенный моральный ущерб ночью?

На Панкратова страшно смотреть. Его не интересуют глубинные размышления, подобные моим. У него нет для этого ни свободной минутки, ни мозга, который можно использовать в это время. Панкратов работает. Он хочет быть лучше. И однажды стать лауреатом премии «Лучший сотрудник рекламных компаний года». До этого момента, я уверен, пройдет очень много лет. Олег состарится, обрюзгнет, но до конца дней своих будет ходить по офису с испорченными рукой креативного директора черновиками и жаловаться на невостребованность своего уникального таланта. Он один из тех, кто убежден в наличии у себя одного таланта в связи с отбором удачи. Одним бог, по мнению Панкратова, дает талант, другим – удачу. Ему он дал талант и хреновых руководителей.

– Я не понимаю, что происходит с Марией Антоновной, – бубнит он, сворачивая и разворачивая черновики текстов. – Зачем эти придирки к запятым? Неужели для того чтобы

пригласить на работу одного менеджера, нужно создать рок-оперу?

Я отхлебываю кофе и убеждаюсь, что со вчерашнего дня его вкусовые качества не изменились. Все тот же «Нескафе», выпив который на необитаемом острове, становится так плохо, что нет сил махнуть пролетающему над головой самолету. Я все утешаю себя мыслью о том, что минувшим днем у меня было плохое настроение или я просто перекурил. Оттого и кофе странен на вкус. Я говорю себе: потерпи, Женя, скоро в офисе поставят автомат с эспрессо, но приходит утро, Рогулин снова тянет с аппаратом, и я опять начинаю размешивать в чашке субстанцию, очень похожую на порошок для стирки коричневых вещей.

– Формально она права, Олег, – я улыбаюсь, но говорю сухо. Это лучший способ показать подчиненному, что ты начальник, не взбираясь при этом, однако, им на шею. – «Вижуэл» – единственная в Москве рекламная компания, которая известна всем. Наши растяжки на Никитской и Арбате, Ленинградском и Шаболовке, и ты скажи мне, старик, видел ли ты когда-нибудь под словом «Вижуэл» пояснение, что «Вижуэл» – это рекламная компания? Я видел, как Алсу с рекламного щита предлагает телефон: внизу, чтобы было понятно, написано: «АЛСУ, певица». Но «Вижуэл» – другое дело. Ты составил слишком длинный текст. А истина длинной не бывает.

Панкратов пьет кофе и сереет на глазах.

– Олег, ты когда последний раз занимался сексом?

– То есть?

– То есть ты уже даже не знаешь, что это такое? Я наблюдаю за тобой весь последний год, и мне кажется, что за все это время ты не испытал ни одного оргазма. Я дам тебе один бесплатный совет. Но если ты им не воспользуешься, больше ко мне не приходи, понял?

Панкратов ничего не понял.

– Сейчас же отправляйся в отдел корреспонденции и начинай клеить понравившуюся девочку. Ирочку и Верочку не тронь, они замужем. В принципе ничего такого в этом нет, но я не уверен, что после такого депресняка ты сверкнешь талантом оболъстителя. Скорее твои попытки влюбить в себя будут напоминать желание кого-нибудь отодрать в отместку за неудачу с рекламой. А потому начинай с Эммы. Уведи ее в обед не в долбаный фастфуд, а в нормальное кафе с пельменями. Вечером проводи домой, и я уверен, что она предложит тебе посмотреть марки, которые собирала в шестом классе. Утром ты будешь выглядеть как человек, а не как выбравшийся из могилы труп... Простите, Леонид, это ничего, что у нас тут важный разговор?

Водитель, словно украдкой пробравшийся в мой кабинет, украдкой и исчезает.

Панкратов его даже не заметил. Его лицо от оценки масштабов того, каким образом придется лечить ущерб, нанесенный ежедневными придирками, меняется на глазах.

– Взять бы ее за шиворот и мордой об... – по глазам его я вижу, что он ищет в кабинете предмет, от соприкосновения с которым безупречный макияж Марии Белан пострадал бы сильнее всего. – Об батарее... Об эту, советскую, с секциями... Туда-сюда...

– Если собираешься мстить, рой сразу две могилы.

Он представления не имеет о способах выживания в корпоративной среде. Не исключено, что Панкратов добился бы большего, если бы занялся частным бизнесом, например организацией платной парковки. Но ему это не придет в голову, потому что Панкратов скорее умрет, чем начнет думать продуктивно.

– Все, Олег, твоё время вышло.

Он поднимается и выходит. Сегодня его или заберут в милицию за изнасилование, или завтра он явится на службу другим человеком.

Его место занимает водитель Леня. Он один из тех, кто позволяет себе с разбегу садиться на стул в кабинете топ-менеджмента, поскольку бывший водитель ФСО, уволенный за пьянку, – единственный, кто знает, как объехать пробку на Кутузовском.

– Евгений Иванович, мы уже опаздываем.

«Иванович» он выговаривает правильно, не сваливаясь на «Иваныч». Сказывается служба. Там «Владимирычем» пассажира называть не будешь.

– А куда мы опаздываем?

– Ну, вы же с Рогулиным вчера договаривались, что он с утра в министерство лично, а вы на мне в «Адидас»... – и он замолкает, предоставляя мне право напрячь память.

А она у меня, что очевидно, ни к черту. Именно так мы вчера с Рогулиным, черт бы его побрал, и договаривались. И я уже должен быть в пути, а не пить кофе в кабинете.

– Но мы договаривались на десять, а сейчас девять, – я невозмутимо и даже недовольно выбрасываю в сторону руку, чтобы показать Лене золотые «Лонгинес». В ФСО он насмотрелся на такие вдоволь, поэтому я его не удивить хочу, а спросить, может ли быть такое, чтобы он за час не доехал до офиса «Адидас» на Воздвиженке.

Леня расстраивается, его очередная попытка стукануть Рогулину на заместителя сорвалась. Теперь, если он, лучший из водителей, опоздает, выволочка предстоит ему. Он огорчен: он видит мои прозрачные глаза и порхающую на губах улыбку. Мы оба знаем, что Леня не может избавиться от давней служебной привычки. Она зародилась лет пятнадцать назад, когда он понял правила охраны первых лиц страны, и избавиться от нее не может до сих пор. Леня стучит на всех, начиная от курьеров, заканчивая мной. Леня глубоко убежден в том, что слив информации главному укрепляет его репутацию незаменимого водителя, который знает не только способы объезда пробки на Кутузовском, но и многое другое, что не очерчено его функциональными обязанностями извозчика. Леня сдает всех Рогулину, делает это, надо отдать

ему должное, искусно, но всякий раз, когда он пытается выставить в дураках меня, его планы горят синим пламенем. Вот он опять попробовал и снова понял, что если к десяти он не успеет к офису «Адидас» на Воздвиженке, Рогулин будет об этом знать. Я никогда не сливаю подчиненных, но Леня Рылов – отдельный случай.

Слегка помятый обстоятельствами Леня вышел заводить «Мерседес», а я накинул пиджак и направился вслед за ним. Проходя мимо двух дверей с изображением силуэтов мужчины на правой и женщины на левой, я вошел в тот, что был обозначен треугольником, одна из вершин которого направлена вниз. Мне показалось невозможным по прибытии в «Адидас» первым делом справиться о нахождении сортира. Зассанцев не любят нигде. Само посещение туалета дело настолько же нормальное, как и питье воды, и вряд ли может быть такое, чтобы топ-менеджмент «Адидас» отправлял естественные надобности иным способом, но почему-то факт посещения туалета в малознакомом месте многие считают за моветон. Как бы то ни было, видимо, я тоже заражен такой мнительностью, если, даже опаздывая, не терплю до Воздвиженки, а тороплюсь в наш туалет.

У нас в «Вижуэль» деление туалетов по половому признаку находится в решительном противоречии с библейскими канонами. Чтобы не заморачиваться художественными изысками, наш завхоз дядя Прохор раздобыл где-то два одинаковых бронзовых треугольника и приколотил их к дверям

в соответствии с собственными представлениями о разделении полов. Собственно, так сортиры обозначают везде – острие треугольника вниз, то бишь пиджак – мужская уборная, острие вверх, юбочка – женская. Но в день основания компании прибывший освящать помещения дьячок Георгий, ведомый нуждой, воспользовался конфессиональными представлениями о половых началах, то есть вошел в дверь, обозначенную не как «чаша», но как «меч». В это время в уборной находилась не имеющая никаких понятий о символах единения мужчины и женщины: двух разных и священных начал, где значилось, что треугольник вверх – сие есть «меч», а треугольник вниз – сие «сосуд», главбух Антонина Макаровна Рычкова. Они встретились где-то во глубине уборной с задранными до груди полами одежд, и это было, пожалуй, единственное, что омрачило праздник.

Быстро расправившись с проблемой, я взял с раковины мыло и бросил взгляд в зеркало. На меня из него смотрел успешный, безупречно выбритый молодой человек в розовой сорочке с подобранным в тон галстуком, в отутюженном костюме без малейшего изъяна.

Грубо отобрав у зажимистого стеклянного колпака несколько бумажных полотенец, я вытер руки, скомкал расползающуюся бумагу и, прицелившись, бросил ее под ноги, в урну.

Наверное, я так бы и ушел, довольный собой, но что-то заставило меня задержаться. Когда влажный клубок плюх-

нулся в полупустую урну, я заметил то, чему в туалете самое место, но что в данный момент должно было находиться не в урне, а на столе менеджера Панкратова. Несколько стандартных листков формата А4 стояли в урне колом, слегка прогнувшись по окружности корзины. Я наклонил голову и напряг зрение. Да, все верно. Это придуманное Олегом объявление о наборе сотрудников, правленное рукой Маши Белан. Но из-за этих листов сероватого цвета выглядывали еще несколько белоснежных, и выступающий на полях почерк показался мне еще более знакомым.

Уже ни на йоту не сомневаясь, что Олег от расстройства дернул со стола Белан не только свои листы, а еще прихватил несколько набросков креативного директора, я наклонился и вынул писанину из урны.

Мария Белан из тех, кто использует компьютер как печатную машинку только когда пишет чистовик. Черновики они изготавливает рукой. Так, видимо, было и на этот раз. Исписав два листа, Машенька положила их на стол, не подозревая, что огорченный творческим провалом Панкратов свалит вместе с ними.

В туалете пахло табачком и апельсиновым мылом, которым я мыл руки. Не нужно быть Мегрэ, чтобы представить, как развивались события. Выйдя от меня, Панкратов зашел в туалет. Швырнул принесенное в урну, выкурил последнюю сигарету и отправился писать новое предсмертное объявление о наборе в «Визуэль» новых сотрудников.

Я уже слишком долго нахожусь в туалете. Убедившись, что бумаги чистые и на них никто не успел наплевать, я сунул их в карман и быстро спустился к крыльцу. Не знаю, зачем мне нужны эти бумажки Белан, но разве я не говорил, что думаю о Маше чаще, чем об остальных?

Водитель Леня имел скорбный вид. Я, то есть он, не успевал к десяти. И это потом будет поставлено ему в вину. А не нужно было называться самым крутым водилой Москвы, козел.

В коридоре у самого порога меня задержала Раиса Чельникова, менеджер отдела по работе с клиентами, где за начальника Витя Лебедев.

– Слушай, нужно поговорить.

– У меня внешняя встреча.

– Срочно, Евгений!

Быть объявленным отцом я не опасаюсь, с Раечкой у меня ничего похожего быть не может, и я, распахнув дверь и одновременно поглядывая на часы, запускаю ее к себе.

– Я хочу показать тебе кое-что.

– Ну-с.

Мне в руки лег лист. Такие обычно копируют со страниц веб-сайтов. Какой-то форум. Маркером обведено то, что, по мнению Чельниковой, должно привлечь мое внимание.

«Черный Ворон» – под таким псевдонимом некто писал:

«Наш заместитель президента – тихий бес. Его голубая мечта – забраться в кресло президента. Он не годен и

для работы разносчика пиццы, но руководит коллективом в несколько десятков человек. Кто-то сказал, что он хороший рекламист. И он сам в это поверил. И вот теперь его мечта сдвинуть нашего босса, инфантильного малого, который каждый вечер, заперевшись в кабинете, меряет линейкой свой член. Он словно бы не знает, что кабинет его на всякий случай просматривается охраной, а быть может, потому и меряет, что знает».

После этого следовал откровеннейший бред, сержантский юмор, и я недоуменно уставился на Раю.

– В чем дело, дорогая?

Я всех, чтобы не обижались, называю дорогими.

– Я думала, что ошиблась, но ты посмотри...

И мне в руку, грея ладонь, вполз второй лист.

Кажется, это называется ЖЖ.

Черный Ворон продолжил литературное творчество уже в этом формате. Он описывал все что ни попадя, но главной темой был, конечно, заместитель президента, дурак и сексопат. Черный Ворон рассказывал, как зам играет у себя в кабинете в футбол сам с собой, как пьет чашками кофе, потому что ему не хер делать, как заваливает на стол ноги в присутствии женщин, словом, описывалось все, что взятое вместе представляло собой исчерпывающую характеристику тихого шизофреника. В общем-то, себя я узнал сразу. Это все обо мне, но немного сгущены краски. В моем кабинете действительно есть футбольный мяч, мне его привезли с чемпионата

мира в Германии, и я беру его всякий раз, когда мы отправляемся в футзал по пятницам. В офисе я его не попинываю. Я действительно пью много кофе. Но тогда, когда хочу, а не когда мне нечего делать. И у меня есть привычка закидывать ноги на стол, но я их снимаю вниз сразу, едва в кабинет заходят не только женщины, но и мужчины.

Словом, Раечка хочет мне сдать кого-то, кто выступает под мистическим литературным псевдонимом «Черный Ворон», предостеречь, укрыть.

– У нас в России наиболее известны две птицы – Черный Ворон и Белый Лебедь. Если предположить, что Черный Ворон – это искаженный до неузнаваемости негатив настоящего лица, то следует, верно, предполагать, что Черный Ворон – это Белый Лебедь, – я делаю паузу, чтобы Раечка догнала ход моей мысли. – Автору этого ЖЖ, безусловно, следует пригласить к себе консультанта по карьерному росту, чтобы тот занялся с ним коучингом². Чересчур слабо защищено авторское право, фантазии моделируют примитивные образы. Спасибо, Раечка. Но отнеси это Рогулину, пусть почитает, чем занимается его зам.

Я подмигиваю ей, оцепеневшей, и выхожу.

² Профусовершенствование.

Глава 2

Теперь о главном. Зачем я еду в «Адидас».

Пока Леня изо всех сил пытается предотвратить вечерний разнос за опоздание, то есть мчится по тротуарам и на красный цвет, у меня есть время, чтобы подумать о том, до чего могут дойти люди в своем желании нарвать зеленого бабла.

Жили-были два брата. Рудольф Дасслер и Адольф Дасслер. Видимо, в какой-то период произошел надлом их отношений, и они решили, что заколачивать бабки вместе нет никакой возможности. Руди основал свою фирму – так появилась «Пума», а Адольф, так же как завхоз дядя Прохор, решил не заморачиваться поиском художественного варианта и составил название своего детища из трех первых букв своих имени и фамилии. Уменьшительное от Адольф – Ади. Так появился Ади Дасслер, то есть «Адидас». Причина ссоры тривиальна – Рудольф не мог простить Адольфу, что после войны тот не попытался вызволить его из лагеря для военнопленных, используя знакомство с американскими офицерами. В любом случае после развала семейного предприятия братья друг с другом не разговаривали, а «Пума» и «Адидас» стали самыми ожесточенными конкурентами. Чувствуете аромат? Совсем недавно очень похожее на то происходило в Москве, где жена одного мэра никак не могла простить своему брату чего-то и заработала конку-

рента. Внезапно «Адидас» состарился раньше времени. Произошло это неожиданно, но предсказуемо. То же самое скоро случится и с «Вижуэль», если Рогулин не прислушается к моим советам не отрабатывать старые номера, приносящие стабильные доходы, и не внедрять новых технологий рекламы. «Адидас» – ярчайшее подтверждение моих слов. К 1990 году его стали воспринимать как нечто приевшееся, примелькавшееся и тем обрыдлое. Я читал книжку Томаса Гэда «4D Branding», и об «Адидас» начала войны «Бури в пустыне» он пишет как о чем-то вчерашнем. Когда убытки составили 100 миллионов долларов, а «Найк» и «Рибок» задавили рынок, стало понятно, что пришла пора брать новые краски и чистый холст. Креативные идеи «Найк» восхищали спортивный мир и обывателей, их реклама дышала жизнью, а запыленные слоганы «Адидас» привлекали взгляды потребителя с тем же успехом, с каким привлекает посетителей стертая вывеска у придорожного кафе.

Четырнадцать лет назад новая команда привлекла в свой лагерь новых специалистов по рекламе, и те стали писать новую историю «Адидас». Первое, что сделал этот менеджмент, – переманил из «Найк» и «Рибок» ведущих PR-менеджеров (ха, кто бы сомневался, что с этого нужно начинать!). В «Адидас» отказались от работы с розничными сетями, и очень скоро появились первые специализированные магазины.

Реклама била рекорды привлекательности. Уже через три

года «Адидас» выступил генеральным спонсором Олимпийских игр, и это была самая апофеозная реклама продукции. Рост последующих продаж составил пятьдесят процентов. О такой сверхприбыли не предполагал даже сам Карл Маркс, уверявший, что буржуазия готова разорвать кому угодно задницу, в том числе и самой себе, за двенадцать.

И вот теперь переходим в главной теме – если кто не заметил, что я формирую речь для ребят из «Адидас», то советую вникать в мои мысли более тщательно!

Чтобы оказаться в струе времени и найти своих потребителей, менеджеры Adidas проявили пристальное внимание к новым видам спорта, например, привезли в Европу стритбол, активно стали работать с новыми молодежными веяниями и течениями, благодаря чему удалось завоевать симпатии американской и европейской хип-хоп и рэп-культуры.

В 1997-м «Адидас» купил французскую фирму «Саломон», ведущего производителя товаров для зимнего спорта, и теперь концерн называется «Акционерное общество „Адидас-Саломон“». Этот шаг позволил фирме стать вторым по величине мировым производителем спортивных товаров после „Найк“. Продажи компании составляют шесть с половиной миллиардов евро, а прибыли оцениваются почти в триста миллионов.

Обойти вниманием такого клиента, как «Адидас», со стороны «Вижуэль» было бы форменным идиотизмом. Я не знаю, сколько денег вбухал в конкурс Рогулин, но, видимо,

немало, если он посылает в гости меня, а не автора идеи сотрудничества с «Адидас» Машеньку Белан. На рекламе немцев можно кормиться вечно. Этот бренд – заботливая приемная мама, которая никогда не бросит дитя, рисуящее ей пасторальные картинки.

Роголин не поехал сам, потому что всем известно – у него во рту мухи трахаются. Он не сможет связать и двух слов из нескольких сотен тех, которые должны занять свое место и обосновать для топ-менеджмента «Адидас» необходимость работы с нами, а не с тем же «Ребусом». Те уже оседлали «Рибок», и я не сомневаюсь, что гонцы с правильными письмами к директорату «Адидас» уже подъезжали.

Это просто удивительно, как я умудрился забыть о своей поездке. Всему виной, видимо, была девушка без адреса... Я сейчас напрягаю память и убеждаюсь в том, что она стала для меня, кажется, и без имени... Надеюсь, из тех семисот баксов она себе на такси выкроит.

Сладко потянувшись от воспоминаний, я сунул руку в карман, и в моем внутреннем кармане хрустнуло. В народе говорят – теперь она мне должна пиво. Но в рекламных компаниях с зарплатой креативного директора в пятнадцать тысяч долларов есть резон просить за утерянные вещи больше, чем пиво. Интересно, где тот максимум, при котором Маша согласится дать что-то нужное мне, получив обратно так нужное ей? Зная ее педантичный характер, я уверен в ее страстном желании получить свою писанину обратно. Маша

из тех, кто не напишет слова, не провернув в голове двадцать его синонимов и не поэкспериментировав с сотней стилистических вариантов. Каждый черновичок ей дорог, поскольку является своего рода уникальным творением ее гениальной мысли. Второго такого по памяти она не соберет ни при каких обстоятельствах. Итак, пиво – мало. Ужин – пошло, потому что получится за мой счет. Вот если бы... В принципе никаких усилий от нее притом не требуется, это даже не затянется надолго. Я уверен, что все закончится быстро, поскольку держу такое свое желание на привязи вот уже год. Но не находится ли это за чертой, над которой написано: тах?

Сунув свободную от сигареты руку в карман, я вынул листы и развернул.

Чертовка!

Три листа, исписанные мелким почерком, в котором безошибочно угадывается ее рука, три листа, исписанные какой-то клинописью! Это стенографическая запись! Вот так. Этого можно было ожидать. Самый простой шифр для человека, умеющего выражать свои мысли на бумаге стенограммой. Знаки, завитушки, точки, черточки... Эта девочка может писать что угодно и где угодно разбрасывать – все равно никто не поймет ни слова! Радует лишь то, что если писано клинописью, значит, Машеньке не очень-то хотелось, чтобы это стало чьим-то достоянием.

Плутовка.

Но баба есть баба. Зашифровала и положила на стол. Му-

жик ничего бы не шифровал, а просто положил в швейцарский сейф, который хоть автогеном режь, хоть гексогеном рви. Девочка, которую не устраивает роль снизу, стремящаяся перевернуться основанием вверх, не понимающая при этом, что и в этом случае останется «сосудом». Закон жизни.

Я в последний раз посмотрел на ее рукопись, развернув ее перед собой веером. Ни слова по-русски, но на каждом листе не меньше десятка значков @. Мой мозг заставляет меня предполагать, что Машенька озабочена идеей создания креативного двигателя посредством электронной переписки. Я сложил листы и сунул их в карман, чтобы не вспоминать о них до встречи с Белан. Меня устроит пиво.

В «Адидас» меня встретили ласково, но с опаской. Люди, работающие в организациях-монстрах, головные конторы которых находятся за рубежом, поражены вирусом двуличия. Такие люди-двухвостки, которые в силу национальных особенностей не могут до конца понять концепцию зарубежного хозяина, но то, что поняли, двигают, приспособиваясь под местный колорит. В силу этого наши люди в «Адидас», «Найк», «Рибок» и других компаниях еще не трансформировались в торгашей с Запада, но уже ничем не похожи на наших торгашей. Появилась третья версия двигателей товара, незамысловатая хитрость которых борется в них с жестяным практицизмом арийцев. Сосуществование этих начал в русских представителях причиняет им невыносимую муку. Это как раз тот случай, когда батюшка-царь из Московии шлет

указы на землю Сибирскую, и там диву даются, до чего же батюшка-царь далек от народа. Но делать нечего: указано – сделано.

Мне предложили кофе. Я увидел, откуда он черпается в виде стирального порошка, сослался на пресыщение и попросил воды. Воды в «Адидас» не было. Там были кофе, чай, лимонад и энергетический напиток. Ублюдки проклятые! Вот так и рушатся добрые начинания – из-за стакана воды! Я попросил энергетический, и мне тут же принесли запотевшую банку и стакан.

– Евгений, нам понравилась ваша концепция, – сказал мне местный босс. Человек ростом около ста девяноста, весом около полутора центнеров – большой человек, он просто не мог говорить неправду или таить зло. Мы сидели за круглым столом, я тянул чертов напиток и кивал головой. Сейчас время слушать. Говорить я буду потом. Помимо босса за столом сидят две крали и два лузера доходной наружности. Такое впечатление, что наш «адидасовский» босс их взял в команду для того, чтобы подчеркивать свои габариты, которыми он, без сомнения, гордится. По бейджам на грудях переговорищиков я понял, что две фрейлейн – PR-менеджеры, один лузер – креативщик, второй – «финик». Вся местная рать собралась, чтобы поговорить со вторым лицом «Вижу-эл». Это приятно. – Она свежа и оригинальна.

Он вздохнул и улыбнулся, словно на этом мы теперь и порешим. Но потом, спохватившись, стал играть на столе «Пар-

кером». Это нехороший признак. Если крупный босс начинает играть перед вами очками, ручкой или чем другим и при этом держит голову чуть наклоняя, вас ждут неприятные сюрпризы. Я не повышал квалификацию у психологов, но знаю за верное, что чуть наклоненная голова собеседника – произвольный способ защиты от внешних угроз. Природа такова, что заставляет живое существо в случае тревоги прятать горло от собеседника. Оттого и взгляд исподлобья. А игра предметом не что иное, как кошачье похлестывание хвостом. Кошка жмурится, но нервничает, ей неприятно.

Я оставил в покое стакан и хлебнул из банки. Мне мое горло беречь нечего, я открыт и прозрачен.

– «Адидас» сейчас переживает непростые времена, – начал новую главу наш человек в Германии, и я тут же подумал: «Врешь, сука, были бы непростые, меня бы здесь не было!»

Это я задвинул тему прокачки «Адидас» на сотрудничество. Тему быстро ухватила Машенька и в течение трех месяцев муссировала нюансы. Почему не ее, побывавшую тут много раз, а меня послал Рогулин на последний разговор? Вероятно, по той причине, что я имею право подписи под любой бумагой от имени «Вижуэл», а Машенька – нет. Но почему она не поехала со мной? Обиделась на Рогулина?

– «Адидас» сейчас переживает непростые времена. Давление конкурентов заставляет нас смотреть чуть за горизонт.

– Я правильно понял, вы не хотите с нами сотрудничать?

– Мы хотим с вами сотрудничать, – ответил он.

– Вам не пришла по душе концепция продвижения новой линии обуви «Энерджи»?

– Нам она очень понравилась. Она свежа и оригинальна.

– Тогда, стало быть, вы сомневаетесь в удобоваримости рекламы на ТВ, разработанной нашими специалистами?

– Я думаю, она увеличила бы прибыль нашей компании.

Я рассмеялся и посмотрел на креативщика. Меня хотят поюзать³, а я не пойму, как именно. Досмотр финансиста тоже не принес никаких результатов. Они очень похожи на захваченных иранскими войсками английских моряков, которые сидят за столом только потому, что пять минут назад их обещали расстрелять, если они не сядут.

– В чем проблема, господин Чувашов?

Когда я хороший парень, я не называю никаких имен. Когда меня точит червячок раздражения, я то и дело произношу чужие имена. Когда взбешен, я начинаю оперировать фамилиями.

Часто из-за одного только ляпа или жеста может полететь с рельсов уже набравший ход паровоз переговоров. И тогда потери компании будут выглядеть однойцевыми близнецами стоимости упущенного контракта. Как показывает мой богатый опыт менеджера, часто заказчик рекламы сам не врубается в тему, которую хочет предложить. Это плавание вне темы менеджер рекламного агентства должен хавать на лету, потому что это – та самая гузка, схватив за которую лев

³ Одурачить.

валит антилопу и душит, душит, предвкушая славный ужин. Когда хищная тварь вроде меня задает вопросы, я переношу внимание с качества рекламы на потребность в ней. Хищная тварь вроде меня никогда не скажет: «Наша реклама – лучшая, самая креативная и яркая», я обязательно скажу: «Наша реклама позволит вам выгодно выделиться в ряду конкурентов потому-то и потому-то».

Клиента нужно трахать, пока он еще теплый. Но не нужно его бесить имбецильными вопросами – Лебедев, наш шеф отдела по работе с клиентами, грешит этим и частенько валит переговоры в стадии первой случки.

«Правда, вам нужна хорошая реклама?» – «Да», – отвечает босс пиццерии.

«А правда, что у вас есть проблемы с кредитом?» – «Нет, неправда», – отвечает ему босс пиццерии.

«А вы хотите, чтобы мы сделали упор на ваше заведение или на ваши блюда?»

«Пошел на фуй!» – отвечает ему босс пиццерии, и больше его в «Вижуэл» я никогда не увижу. Он уже идет в «Ребус», где умный Треер его быстро разведет: «В какой срок вы планируете вернуть потраченные на рекламу средства?», «Можно узнать, в каком банке вы собираетесь брать кредит?», «Чего вы опасаетесь в работе с рекламой?», «С кем работали до нас и что вас не устроило?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.